

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ – КРИТЕРИЙ ПРАВОСУДИЯ

Рузметов Одилбек Сатимович

Самостоятельный соискатель Университета общественной
безопасности Республики Узбекистан
<https://doi.org/10.5281/zenodo.18638684>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 10-fevral 2026 yil
Ma'qullandi: 12-fevral 2026 yil
Nashr qilindi: 14-fevral 2026 yil

KEYWORDS

презумпция невинности,
уголовный процесс,
конституционная реформа,
допустимость
доказательств, Хабеас
корпус, ревизионная
инстанция, правосознание,
Республика Узбекистан,
судебная реформа, бремя
доказывания.

ABSTRACT

В настоящей статье презумпция невинности анализируется как универсальный критерий оценки зрелости институтов правовой системы. Предпринята попытка выявить механизмы практической реализации данного принципа в правовой системе Республики Узбекистан, определить его воздействие на все стадии уголовного процесса – от досудебных до ревизионной инстанции. Особое внимание уделяется обновлённой формулировке презумпции невинности в статье 28 Конституции в редакции 2023 года, в которой выделяются три самостоятельные гарантии: процедурная, доказательственная и коммуникативная. В ходе исследования обосновывается прямая взаимосвязь между институтом допустимости доказательств и презумпцией невинности, анализируется влияние данного принципа на институты, формально не относящиеся к уголовному процессу, – административное задержание, оперативно-розыскную деятельность, исполнение наказаний. Автор приходит к выводу о том, что полноценная реализация презумпции невинности обусловлена не только нормативным фундаментом, но и уровнем профессионального правосознания правоприменителей.

Правовая материя каждого государства содержит в себе ряд фундаментальных идей, без которых вся конструкция нормативного регулирования утрачивает внутренний смысл и превращается в набор технических предписаний, лишённых ценностного стержня. Презумпция невинности принадлежит к числу таких идей, причём её значение выходит далеко за пределы уголовного процесса в его узком понимании [1, с. 48–49]. Она представляет собой универсальный критерий, посредством которого можно оценивать зрелость любого правового института — от механизмов

задержания до порядка пересмотра судебных решений. Как справедливо подчёркивал М.С. Строгович, презумпция невиновности есть не частное правило доказывания, а общеправовой принцип, определяющий положение личности в её взаимоотношениях с государством [2, с. 351]. Если какой-либо институт права при своём функционировании допускает обращение с человеком как с виновным до окончательного судебного подтверждения его вины, значит, этот институт дефектен по своей сути, какими бы целями его существование ни обосновывалось. Именно через эту призму следует рассматривать развитие правовой системы Узбекистана, которая в последние годы претерпела масштабную трансформацию, затронувшую все уровни нормативного регулирования — от конституционного до подзаконного [3, с. 15–17].

Генезис нормативного закрепления презумпции невиновности в Узбекистане невозможно понять без учёта того контекста, в котором формировалась национальная правовая система после обретения независимости. В первоначальной редакции Конституции 1992 года данный принцип присутствовал, однако его формулировка во многом воспроизводила советские стандарты, при которых декларирование прав сочеталось с системной практикой их ограничения [4, с. 23–24]. Достаточно вспомнить, что в 1990-е и 2000-е годы показатель оправдательных приговоров составлял доли процента — величину, свидетельствующую о том, что суды фактически выполняли функцию легитимации обвинительных заключений, а не независимой проверки доказательств. В.М. Савицкий ещё в конце XX века указывал на то, что формальное провозглашение презумпции невиновности без создания действенных механизмов её реализации превращает данный принцип в юридическую фикцию [5, с. 74–76]. Ситуация начала меняться с 2017 года, когда был взят курс на системное реформирование судебно-правовой сферы. Принятие Стратегии действий повлекло пересмотр процессуального законодательства, расширение полномочий адвокатуры, внедрение института следственных судей и, что принципиально важно, конституционную реформу 2023 года, закрепившую обновлённую формулировку презумпции невиновности в статье 28 Основного закона [6].

Текст статьи 28 Конституции Республики Узбекистан в новой редакции заслуживает внимательного анализа, поскольку его содержание существенно богаче, чем может показаться при поверхностном прочтении. Норма устанавливает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, при этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и вправе в любое время воспользоваться правом хранить молчание [6, ст. 28]. Здесь заложены три самостоятельные гарантии, каждая из которых функционирует как отдельный защитный механизм. Первая — процедурная: вина должна быть установлена именно в том порядке, который закон предусмотрел, а не в каком-либо ином. Вторая — доказательственная: бремя доказывания возлагается исключительно на сторону обвинения, и никакие требования к подозреваемому «объяснить» обстоятельства дела не являются законными. Третья — коммуникативная: право на молчание означает, что отказ давать показания не может рассматриваться как косвенное подтверждение вины [7, с. 139–141]. На практике нарушение именно третьей гарантии встречалось особенно часто. Приведу характерный пример: в делах, связанных с экономическими

преступлениями, следователи нередко интерпретировали отказ предпринимателя отвечать на вопросы как свидетельство его недобросовестности, что затем отражалось в обвинительных заключениях формулировками вроде «от дачи показаний отказался, что свидетельствует о стремлении скрыть обстоятельства содеянного». Конституционное закрепление права на молчание призвано исключить подобную практику.

Статья 23 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан детализирует конституционное положение, вводя ряд важных производных правил [8, ст. 23]. Одно из ключевых особенностей состоит в том, что все сомнения в виновности, если исчерпаны возможности их устранения, должны толковаться в пользу подозреваемого, обвиняемого или подсудимого. Другое правило распространяет аналогичный подход на толкование самого закона: сомнения, возникающие при применении нормативных актов, также разрешаются в пользу обвиняемого. Второе правило заслуживает особого внимания, поскольку оно адресовано прежде всего судьям. Как указывает Т.Ю. Вилкова, толкование сомнений в пользу обвиняемого распространяется не только на фактические обстоятельства дела, но и на вопросы правовой квалификации, что существенно расширяет защитный потенциал презумпции невиновности [9, с. 112–114]. В практике нередко возникают ситуации, когда одна и та же норма допускает два толкования — расширяющее сферу уголовной ответственности и сужающее её. Например, при квалификации деяний по статьям о мошенничестве грань между гражданско-правовым неисполнением обязательств и уголовно наказуемым обманом может быть крайне тонкой. В таких случаях правило о толковании сомнений обязывает суд избирать ту интерпретацию, которая исключает либо смягчает уголовную ответственность. Это не абстрактный теоретический постулат, а рабочий инструмент, подлежащий применению при вынесении каждого приговора [10, п. 4].

Реализация презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного процесса представляет собой наиболее проблемную область, где разрыв между нормативным идеалом и повседневной практикой ощущается особенно остро [11, с. 202–204]. Именно здесь — в ходе доследственной проверки, дознания и предварительного следствия — формируется массив доказательств, на основании которого суд будет принимать решение, и именно здесь соблазн обращаться с человеком как с уже установленным виновным наиболее велик. Институт «Хабеас корпус» выступает ключевым процессуальным барьером: любое существенное ограничение прав личности — задержание свыше сорока восьми часов, заключение под стражу, домашний арест, отстранение от должности — допускается исключительно по судебному решению [8, ст. 243]. Следственный судья обязан проверить наличие обоснованного подозрения, стандарт которого предполагает наличие фактов, способных убедить объективного наблюдателя в том, что лицо могло совершить преступление [12, с. 67–69]. Для иллюстрации: если единственным основанием для задержания служит анонимный телефонный звонок без подкрепления иными данными, такое основание не отвечает требованию обоснованности и не может служить базой для ограничения свободы.

Запрет на получение доказательств с нарушением закона является ещё одним проявлением презумпции невиновности на стадии следствия. Национальное

законодательство устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения [8, ст. 95]. Логика этого правила такова: если закон требует считать человека невиновным до доказательства вины, то и сами доказательства должны быть получены надлежащим способом — иначе они не способны опровергнуть презумпцию [13, с. 45–47]. Рассмотрим конкретную ситуацию: при обыске жилища не были обеспечены права проживающих — отсутствовали понятые, не был вручён протокол, обыск проводился в ночное время без специального разрешения. Обнаруженные предметы, даже объективно связанные с расследуемым деянием, не могут использоваться в качестве доказательств. Именно подобный «формализм» отличает правовое государство от полицейского: не результат оправдывает средства, а средства определяют допустимость результата [5, с. 89–91].

В суде первой инстанции презумпция невиновности определяет роль судьи как беспристрастного арбитра, который не берёт на себя функции обвинения. Процессуальное законодательство проводит чёткую границу: прокурор поддерживает государственное обвинение и несёт бремя доказывания вины, а суд создаёт условия для равноправного состязания сторон [8, ст. 25]. Если обвинение не представило совокупности доказательств, исключающей разумные сомнения, суд обязан оправдать подсудимого. Пленум Верховного суда подчёркивает недопустимость обвинительного приговора на основе предположений или косвенных улик, не образующих логически завершённой цепи [10, п. 3]. Понятие «разумного сомнения» — оценочная категория, содержание которой формируется практикой [14, с. 158–160]. Пример: по делу о краже единственным прямым доказательством выступают показания потерпевшего, однако освещение в месте происшествия было крайне слабым, расстояние значительным, а опознание проведено с процессуальными нарушениями. Разумное сомнение здесь существует и должно толковаться в пользу подсудимого. Оправдательный приговор в таком контексте представляет не поражение правосудия, а его высшее проявление — государство признаёт, что не смогло доказать вину [2, с. 354–355]. Здоровая правовая система предполагает разумную долю оправданий, свидетельствующую о том, что суды действительно выполняют контрольную функцию, а не штампуют обвинительные заключения.

Апелляционная инстанция выполняет функцию «второго фильтра», проверяющего как фактические, так и правовые основания приговора. Апелляционный суд рассматривает дело в полном объёме и вправе переоценивать доказательства [8, ст. 487]. Если обнаруживается несоответствие выводов нижестоящего суда фактическим обстоятельствам, апелляция может отменить обвинительный приговор и вынести оправдательный. Действует также правило запрета поворота к худшему — *reformatio in peius*, — устраняющее страх осуждённого перед обжалованием и обеспечивающее реальную возможность пересмотра несправедливого решения [15, с. 312–314]. Кассационная инстанция проверяет правильность применения закона. Если кассационный суд устанавливает, что приговор основан на недопустимых доказательствах или что суд первой инстанции проигнорировал доводы защиты, это влечёт отмену приговора. Показательный пример: подсудимый заявил алиби, представив свидетелей, подтверждающих его нахождение в другом городе в момент совершения преступления, однако суд в приговоре даже не упомянул эти показания и

не объяснил причины их отклонения. Кассация обязана констатировать нарушение принципа всесторонности исследования доказательств, закреплённого в статье 26 УПК [8, ст. 26], что одновременно является нарушением презумпции невиновности — суд фактически освободил обвинение от обязанности опровергнуть доводы защиты [16, с. 241–243].

Ревизионная инстанция, введённая в начале 2024 года в рамках реформы «один суд — одна инстанция», заслуживает отдельного внимания [17]. Ревизионный порядок рассмотрения дел в Верховном суде представляет экстраординарный механизм, работающий с приговорами, уже вступившими в силу, — то есть с ситуациями, когда презумпция формально «опровергнута» состоявшимся приговором. Однако правовая доктрина исходит из того, что презумпция невиновности не прекращает действия абсолютно — она трансформируется в право на реабилитацию и восстановление доброго имени при обнаружении судебной ошибки [18, с. 87–89]. Ревизионная инстанция может пересмотреть дело, если выявлены обстоятельства, свидетельствующие о самооговоре или давлении, не замеченном на предыдущих стадиях. Допустим, осуждённый несколько лет отбывал наказание, а затем были получены результаты генетической экспертизы или видеозаписи с камер наблюдения, ранее не приобщённые к делу, свидетельствующие о его непричастности. Ревизия становится последним рубежом защиты, обеспечивая справедливость даже после формального завершения уголовного преследования.

Взаимосвязь презумпции невиновности с институтом допустимости доказательств придаёт рассматриваемому принципу практическую силу. Допустимость — процессуальный механизм, посредством которого правовая система отделяет информацию, пригодную для обоснования судебного решения, от информации, которая не может быть использована вне зависимости от содержательной ценности [13, с. 51–53]. Связь с презумпцией здесь прямая: поскольку закон требует считать человека невиновным до установления вины законным путём, всё полученное незаконно не способно эту презумпцию опровергнуть. Институт допустимости выступает «привратником», не позволяющим разрушить презумпцию за счёт нарушения правил, установленных самим государством. Практическая ситуация: следствие получило признательные показания, однако выяснилось, что допрос проводился без адвоката, хотя обвиняемый неоднократно заявлял о желании воспользоваться юридической помощью. Показания подлежат исключению [8, ст. 95], и если без них обвинение не располагает достаточной совокупностью доказательств, презумпция невиновности остаётся непровергнутой. Не менее важна и оценка презумпции как критерия для институтов, формально не относящихся к уголовному процессу. Институт административного задержания должен функционировать с учётом этого принципа: задержанный не рассматривается как правонарушитель до вынесения решения [19, с. 174–176]. Результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами до их введения в процесс в установленном порядке [20, с. 93–95]. Даже институт исполнения наказаний связан с презумпцией, поскольку осуждённый, приговор в отношении которого отменён, приобретает право на реабилитацию [8, ст. 83].

Проблема правосознания правоприменителей остаётся, пожалуй, главным препятствием на пути полной реализации рассматриваемого принципа [21, с. 119–120]. Статья 26 УПК обязывает судей, прокуроров и следователей обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела [8, ст. 26]. Это невозможно без внутреннего принятия презумпции невиновности как базового когнитивного фильтра — установки, при которой любое доказательство обвинения воспринимается критически, а доказательство защиты — с предельным вниманием. На практике нередко происходит обратное: следователь, сформировавший для себя версию о виновности конкретного лица, начинает бессознательно отбирать лишь подтверждающие доказательства и игнорировать противоречия. Этот феномен, именуемый в когнитивной психологии «предвзятостью подтверждения» [22, с. 7–9], представляет системную угрозу для правосудия, и именно презумпция невиновности призвана служить противоядием от него.

Подводя итог, следует констатировать, что презумпция невиновности в правовой системе Узбекистана прошла путь от декларативной нормы до реально функционирующего критерия, через который оценивается качество работы каждого правового института. Конституционная реформа 2023 года и последующие изменения процессуального законодательства создали нормативный фундамент для качественного сдвига [3, с. 28–30]. Вместе с тем нормативный фундамент — необходимое, но не достаточное условие. Подлинная реализация презумпции невиновности возможна лишь тогда, когда она перестаёт быть внешним ограничением и становится частью профессионального мировоззрения правоприменителя, когда следователь не воспринимает подозреваемого как «пойманного преступника», прокурор не стремится к обвинительному приговору любой ценой, а судья не видит в оправдании профессиональную неудачу [1, с. 53–55]. Достижение этого состояния — задача не одного десятилетия, однако направление движения определено, и законодательная основа для него в Узбекистане сегодня создана

Список литературы:

1. Цыбулевская О.И. Презумпция невиновности: нравственный аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2014. — № 4 (99). — С. 46–56.
2. Строгович М.С. Курс уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. — Т. 1. — 468 с.
3. Рахмонова С. Конституционное укрепление институционального статуса адвокатуры // Общество и инновации. — 2023. — № 3/S. — С. 14–31.
4. Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — Ташкент, 1983. — 385 с.
5. Савицкий В.М. Презумпция невиновности. — М.: Норма, 1997. — 121 с.
6. Конституция Республики Узбекистан (в редакции Закона Республики Узбекистан от 1 мая 2023 года).
7. Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности: история, современность, перспективы: монография. — М.: Юрайт, 2018. — 228 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-ХII (с изменениями и дополнениями на 2025 год).
9. Вилкова Т.Ю. Правило толкования сомнений в пользу обвиняемого: проблемы реализации // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 109–121.

10. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 23 мая 2014 года № 07 «О судебном приговоре».
11. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. — М.: Проспект, 2004. — Ч. 1. — 224 с.
12. Рахмонова С. Процессуальные проблемы разрешения вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу // Общество и инновации. — 2021. — № 9. — С. 62–75.
13. Россинский С.Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды ИГП РАН. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 40–58.
14. Laudan L. The presumption of innocence: Material or probatory? // Legal Theory. — 2005. — Vol. 11. — No. 4. — P. 333–361.
15. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. — М.: Статут, 2016. — 1278 с.
16. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В.М. Савицкого. — М.: Наука, 1984. — 143 с.
17. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию судебной системы Республики Узбекистан» от 30 ноября 2023 года.
18. Касумов Ч.С. Презумпция невиновности в праве / под ред. В.М. Савицкого. — Баку: Элм, 1984. — 140 с.
19. Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. — Ярославль: ЯрГУ, 1978. — 196 с.
20. Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. Б.Х. Пулатова. — Ташкент: Юридическое издательство, 2023. — 648 с.
21. Цыбулевская О.И., Омариёва А.Н. Презумпция невиновности: аксиологическое измерение // Правовая политика и правовая жизнь. — 2015. — № 3. — С. 115–123.
22. Nickerson R.S. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // Review of General Psychology. — 1998. — Vol. 2. — No. 2. — P. 175–220.
23. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 19 декабря 2003 года № 17 «О практике применения судами законов, обеспечивающих подозреваемому, обвиняемому право на защиту».